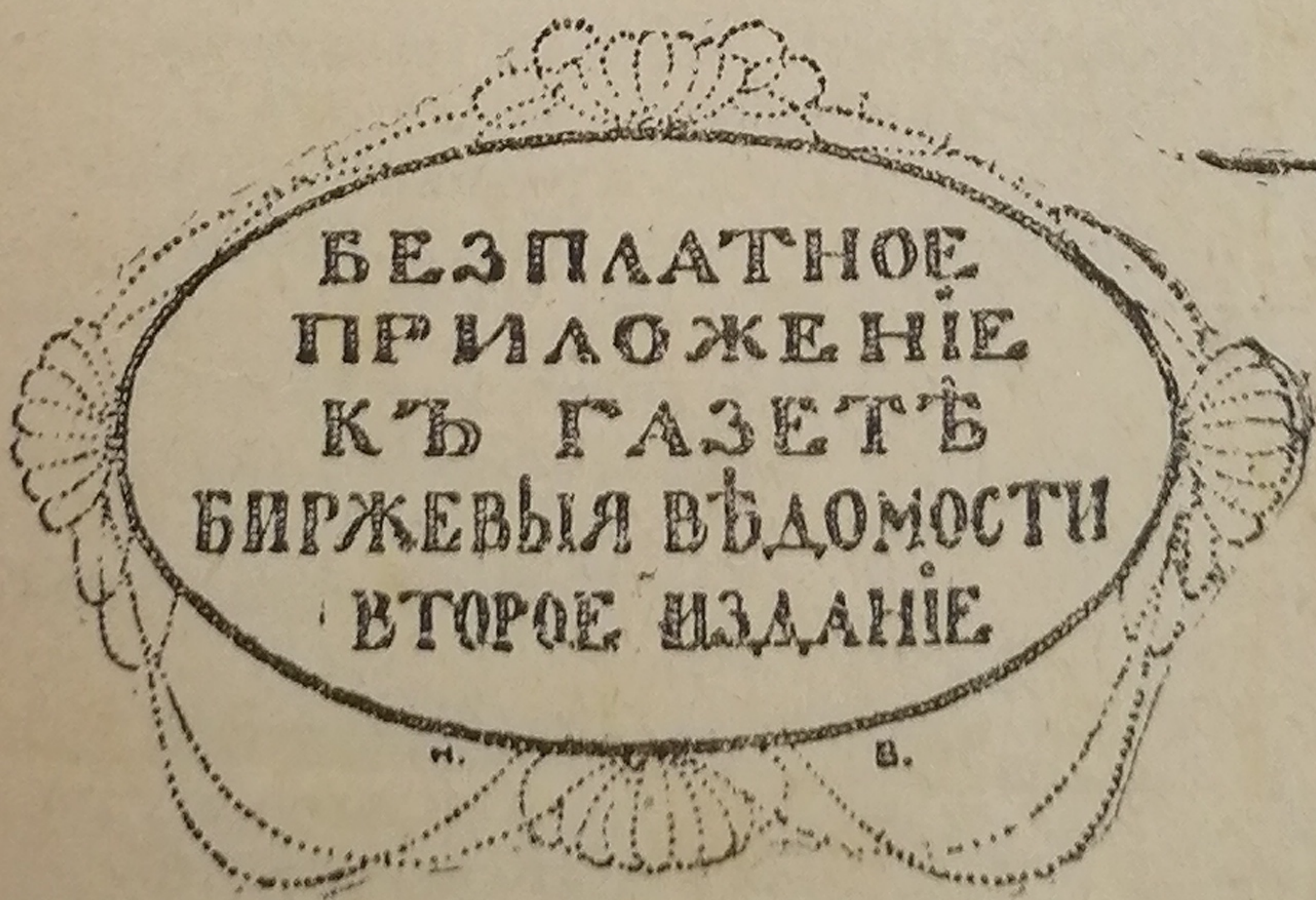

НОВОЕ СЛОВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

РЕДАКЦІЯ *Ямская*

ИЗДАНИЕ *Р. и. П. и. М.*

№ 9. С. ПЕТЕРБУРГЪ 1909

Мужавыч?

Очеркъ И. О. Калинина.

I.

Какимъ видится русской душѣ злое начало?

Гоголь единственный русскій писатель, который описывалъ народнаго чорта такими яркими красками, какъ будто въ нихъ прорывается и сверкаетъ адское пламя, наглядывая такія тѣни, какъ будто это сгустки тьмы кромѣшной.

И вотъ, главнымъ образомъ, у Гоголя, а до него у Лермонтова, а послѣ него у Достоевскаго, и выразилось, какъ мы русскіе понимаемъ черта.

Демонъ Лермонтова? Всѣ дни своей недолгой жизни этотъ непонятый своимъ временемъ армейскій офицеръ съ небольшимъ, дѣтски-пухлымъ ртомъ, съ блестящими испуганной грустью глазами, носилъ въ душѣ образъ Демона. Но онъ не придалъ ему ни одной своей черты въ характеристикѣ его сущности. Помните, какъ много у него эпитетовъ для Демона, помните, какъ многословенъ его Демонъ въ собственной характеристикѣ,—и что же?—все-таки то, какъ понималъ Демона загадочный и грустный офицеръ, сказалось не въ сознательномъ пластическомъ опредѣленіи Духа Зла, а невольно вылилось въ дѣйствіи поэмы. Демонъ полюбилъ Тамару—вотъ и вся тайна сущности Демона. Вотъ и вся тайна грустнаго армейскаго офицера. Великій и вѣчный духъ усталъ отъ своего всемогущества и безкрайности своей свободы,—онъ ищетъ поклоненія. Когда-то и его голосъ, теперь полный ропота и неугасающаго недовольства, сливался въ поклоненіяхъ и гимнахъ великихъ умилений и восторговъ. Но нѣтъ пути къ тому, откуда уходишь. Вѣчный духъ влечется теперь инымъ.

Отъ постоянства и непреложности вѣчности онъ слетаетъ на маленькую зеленую звѣзду, блещущую грустью слезной росы, и онъ склоняетъ колѣна передъ трепетно-прекрасной дочерью земли. Онъ молится этому трепетно-живому, мѣняющемуся, возникающему изъ ничего и распыляющемуся

въ ничто огоньку жизни человѣческой. Извѣчное существованіе это не жизнь,—въ немъ нѣтъ движенія, тамъ все изваяно изъ вѣчныхъ громадъ, изъ нерушимыхъ скалъ. Его привлекаетъ дрожащая грустью и страхомъ, грозящая счастьемъ слабая, слабая человѣческая жизнь. Цвѣточекъ подъ солнцемъ, обвѣваемый лазурью, на краю высокаго, высокаго обсыпающагося обрыва. Теплый трепетъ маленькой птички, лежащей на ладони восхищеннаго великана. Но вихрь извѣчныхъ восхищеній задулъ слабый огонекъ земного существованія. Они не могли пылать вмѣстѣ. Въ этомъ трагедія Демона. Демонъ, жаждущій восхищеннаго поклоненія. Демонъ, которому въ порядкѣ творенія отказано въ предметѣ поклоненія.

Темъ католическихъ соборовъ, пронзенная цвѣтными иглами лучей, льющихся изъ окрашенныхъ стеколъ, не могли навѣять творческой душѣ европейца мысли объ этомъ любвеобильномъ сердцѣ Демона. Святая мысль о немъ могла родиться только въ залитой вешнимъ солнцемъ русской церковкѣ, гдѣ въ просторныя окна смотритъ блѣдно-синее смѣющееся небо съ бѣлыми плывущими молодыми облаками, гдѣ синеватая волна пасхальнаго ладона колеблется отрадой вешняго воздуха, пахнущаго солнышкомъ и дрожащаго пасхальнымъ—безмѣрной радости—звономъ.

Демонъ таинственнаго офицера съ грустно-блестящими глазами—такъ человѣченъ. И это великій, глубочайшій образъ, какого не знаетъ Европа. И если онъ не оцѣненъ въ той мѣрѣ, какъ бы слѣдовало, то это оттого, что онъ не освѣщенъ сознаниемъ его творца, онъ вылился у него мимовольно изъ стыдливыхъ и темныхъ глубинъ его души.

II.

Хочется сказать два слова о «Гоголѣ» Мережковскаго, не только по отношенію къ предмету статьи. Книга написана съ обычнымъ дешифрированіемъ всеневныхъ людскихъ дѣлъ, рѣчей, образовъ искусства,

какъ символовъ того, что нужно доказать автору. Но дешифрование это такъ гипнотизируетъ своимъ изяществомъ и остроуміемъ. Въ книгѣ, какъ всегда, не свободное, органическое развитіе мыслей, а параллелизмъ и симметрія характерныхъ для Мережковскаго основоположеній.

Но это придастъ развитію взглядовъ стройность, конечному виду пластику. Чаруетъ техника. Никакого лишняго балласта—фактическихъ иллюстрацій, полемическихъ выходовъ,—все органически претворено. У насъ нѣтъ литературныхъ изслѣдователей—художниковъ. Мережковскій художникъ-критикъ. Онъ и поэтъ. Онъ творецъ такого образа Гоголя, который не забывается, который не даетъ уже мѣста другому образу Гоголя. Изваявъ изъ мертваго и холоднаго мрамора пережитого стройную фигуру, Мережковскій оживляетъ ее. Еще одно: языкъ Мережковскаго необычайно, пластически, точенъ. Нашъ молодой русскій языкъ такой неуловимый, наша безудержная лирическая душа любитъ безудержность рѣчи. У Мережковскаго выразительность, пластичность, точность языка почти французская.

Мы знаемъ о Гоголѣ: зоркость къ пошлости людской... Неужели можно устоять передъ лицомъ этого коренного зла жизни, всеобщаго зла, не борясь съ нимъ?.. Но сила для борьбы дается самоусовершенствованіемъ... Слабый человѣкъ выходитъ одинъ на поединокъ съ міровой, вѣчной сущностью... Титаническое покушеніе съ совершенно негодными средствами...

Съ другой стороны, мы знаемъ: Гоголь старался жутко-чуткую глубь своей души смирить съ ортодоксальнымъ христіанскимъ міропониманіемъ, и, сдѣлавшись вѣрнымъ сыномъ церкви, онъ все зло міра—вмѣстѣ съ церковью—началъ видѣть въ лукавомъ. Мережковскій связываетъ два представленія Гоголя: представленіе писателя о злѣ жизни—пошлости съ представленіемъ подвижника о злѣ міра—Лукавомъ—въ одинъ образъ: Гоголь всю жизнь боролся съ чертомъ. Мы довѣряемъ Мережковскому. Это не посягаетъ на истину и приводитъ все въ ясную стройность. И когда Мережковскій заполняетъ объемъ понятія «пошлость» живымъ, конкретнымъ содержаніемъ, вы чувствуете, что и тутъ его творческая проинициативность не въ противорѣчій съ тѣмъ пониманіемъ, что было у васъ раньше.

«Какъ черта выставить дуракомъ, чтобъ насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чертомъ—уже съ давнихъ поръ я только и хлопочу о томъ». (Слова Гоголя).

«Чертъ есть начатое и неоконченное, которое выдаетъ себя за безначальное и безконечное; чертъ—отрицаніе всѣхъ глубинъ и вершинъ—вѣчная плоскость, вѣчная пошлость», (какъ и дальнѣйшее,—изъ «Гоголя», Мережковскаго).

«Главная сила дьявола—умѣнье казаться не тѣмъ, что онъ есть. Будучи серединою, онъ кажется однимъ изъ двухъ концовъ—безконечностей міра; будучи тварью, онъ кажется творцомъ; будучи темнымъ—кажется денницею; будучи коснымъ—кажется крылатымъ; будучи смѣшнымъ—кажется смѣющимъ. Смѣхъ Мефистофеля, гордость Каина, сила Прометей, мудрость Люцифера, свобода Сверхчеловѣка—вотъ различныя въ вѣкахъ и народахъ маски этого вѣчнаго подражателя, приживальщика».

Итакъ, людская пошлость—проявленіе исконной сущности черта. Она особенно ярко выявлена въ характерахъ Хлестакова и Чичикова.

Что такое Хлестаковъ? «Онъ весь до мозга костей—петербургскій безземельный «пролетарій», искусственный человѣкъ—гомункулъ, выскочившій изъ петровской табели о рангахъ, какъ изъ алхимической стеклянки». «Въ немъ есть все, что теперь въ ходъ пошло и что впоследствии окажется пошлымъ». «Одѣтъ по модѣ, и говорить, и думать, и чувствуетъ по модѣ». «Онъ—воплощенная нравственная и умственная середина, посредственность». «Что же онъ, по вашему, такое?»—спрашиваетъ городничій о Хлестаковѣ.—«Н и с е н и т о; чертъ знаетъ, что такое!»—печально опредѣляетъ почмейстеръ самую внутреннюю, мистическую сущность духа Вѣчной Середины».

Что такое Чичиковъ? «Вмѣсто блаженства—благополучіе, вмѣсто благородства—благоприличіе, т. е. внѣшняя, условная добродѣтель, ибо для Чичикова, какъ для истиннаго позитивиста, нѣтъ ни въ добрѣ, ни во злѣ ничего безусловнаго».

Итакъ, въ чемъ же чертъ Гоголя? О, это, какъ вы видите, далеко не западноевропейскій чертъ, яркій, красивый образъ нашихъ сосѣдей. Образъ, созданный изъ играющей самоувѣренной силы, обольстительной, пьянящей тайны, чарующей живости. Силы нѣтъ: онъ такой, каковъ средній, безличный, слабый человѣкъ. Тайны нѣтъ: онъ понятенъ, исчерпанъ, разгаданъ. Живости нѣтъ: онъ не только не остеръ, какъ тамъ его выставляютъ дуракомъ, онъ сѣръ, тусклъ и томится отъ скуки.

какъ символовъ того, что нужно доказать автору. Но дешифрированіе это такъ гипнотизируетъ своимъ изяществомъ и остроуміемъ. Въ книгѣ, какъ всегда, не свободное, органическое развитіе мыслей, а параллелизмъ и симметрия характерныхъ для Мережковскаго основоположеній.

Но это придаетъ развитію взглядовъ стройность, конечному виду пластику. Чаруетъ техника. Никакого лишняго балласта—фактическихъ иллюстрацій, полемическихъ выводовъ,—все органически претворено. У насъ нѣтъ литературныхъ изсѣдователей—художниковъ. Мережковскій художникъ-критикъ. Онъ и поэтъ. Онъ творецъ такого образа Гоголя, который не забывается, который не даетъ уже мѣста другому образу Гоголя. Изваявъ изъ мертваго и холоднаго мрамора пережитого стройную фигуру, Мережковскій оживляетъ ее. Еще одно: языкъ Мережковскаго необычайно, пластически, точенъ. Нашъ молодой русскій языкъ такой неуловимый, наша безудержная лирическая душа любитъ безудержность рѣчи. У Мережковскаго выразительность, пластичность, точность языка почти французская.

Мы знаемъ о Гоголѣ: зоркость къ пошлости людской... Неужели можно устоять передъ лицомъ этого коренного зла жизни, всеобщаго зла, не борясь съ нимъ?.. Но сила для борьбы дается самоусовершенствованіемъ... Слабый человѣкъ выходитъ одинъ на поединокъ съ міровой, вѣчной сущностью... Титаническое покушеніе съ совершенно негодными средствами...

Съ другой стороны, мы знаемъ: Гоголь старался жутко-чуткую глубь своей души смирить съ ортодоксальнымъ христіанскимъ міропониманіемъ, и, сдѣлавшись вѣрнымъ сыномъ церкви, онъ все зло міра—вмѣстѣ съ церковью—началъ видѣть въ лукавомъ. Мережковскій связываетъ два представленія Гоголя: представленіе писателя о злѣ жизни—пошлости съ представленіемъ подвижника о злѣ міра—Лукавомъ—въ одинъ образъ: Гоголь всю жизнь боролся съ чертомъ. Мы довѣряемъ Мережковскому. Это не посягаетъ на истину и приводитъ все въ ясную стройность. И когда Мережковскій заполняетъ объемъ понятія «пошлость» живымъ, конкретнымъ содержаніемъ, вы чувствуете, что и тутъ его творческая проинициательность не въ противорѣчій съ тѣмъ пониманіемъ, что было у васъ раньше.

«Какъ черта выставить дуракомъ, чтобъ насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чертомъ—уже съ давнихъ поръ я только и хлопочу о томъ». (Слова Гоголя).

«Чертъ есть начатое и неоконченное, которое выдаетъ себя за безначальное и безконечное; чертъ—отрицаніе всѣхъ глубинъ и вершинъ—вѣчная плоскость, вѣчная пошлость», (какъ и дальнѣйшее,—изъ «Гоголя», Мережковскаго).

«Главная сила дьявола—умѣнье казаться не тѣмъ, что онъ есть. Будучи серединою, онъ кажется однимъ изъ двухъ концовъ—безконечностей міра; будучи тварью, онъ кажется творцомъ; будучи темнымъ—кажется денницею; будучи коснымъ—кажется крылатымъ; будучи смѣшнымъ—кажется смѣющимъ. Смѣхъ Мефистофеля, гордость Каина, сила Прометея, мудрость Люцифера, свобода Сверхчеловѣка—вотъ различныя въ вѣкахъ и народахъ маски этого вѣчнаго подражателя, приживальщика».

Итакъ, людская пошлость—проявленіе исконной сущности черта. Она особенно ярко выявлена въ характерахъ Хлестакова и Чичикова.

Что такое Хлестаковъ? «Онъ весь до мозга костей—петербургскій безземельный «пролетарій», искусственный человѣкъ—гомункулъ, выскочившій изъ петровской табели о рангахъ, какъ изъ алхимической стеклянки». «Въ немъ есть все, что теперь въ ходъ пошло и что впоследствии окажется пошлымъ». «Одѣтъ по модѣ, и говорить, и думать, и чувствовать по модѣ». «Онъ—воплощенная нравственная и умственная середина, посредственность». «Что же онъ, по вашему, такое?»—спрашиваетъ городничій о Хлестаковѣ.—«Н и с е н и т о; чертъ знаетъ, что такое!»—печально опредѣляетъ почмейстеръ самую внутреннюю, мистическую сущность духа Вѣчной Середины».

Что такое Чичиковъ? «Вмѣсто блаженства—благополучіе, вмѣсто благородства—благоприличіе, т. е. внѣшняя, условная добродѣтель, ибо для Чичикова, какъ для истиннаго позитивиста, нѣтъ ни въ добрѣ, ни во злѣ ничего безусловнаго».

Итакъ, въ чемъ же чертъ Гоголя? О, это, какъ вы видите, далеко не западноевропейскій чертъ, яркій, красивый образъ нашихъ сосѣдей. Образъ, созданный изъ играющей самоувѣренной силы, обольстительной, пьянящей тайны, чарующей живости. Силы нѣтъ: онъ такой, каковъ средній, безличный, слабый человѣкъ. Тайны нѣтъ: онъ понятенъ, исчерпанъ, разгаданъ. Живости нѣтъ: онъ не только не остеръ, какъ тамъ его выставляютъ дуракомъ, онъ сѣръ, тусклъ и томится отъ скуки.

III.

Чертъ Достоевскаго? Дано было Достоевскому видѣть злое начало въ душѣ человѣка лучше, чѣмъ кому-либо изъ людей Россіи и Европы. Въ чемъ оно? Вы знаете: эти всплески мятущихся душъ его, разбивающихъ послѣднія цѣпи,—въ самыхъ глубокихъ провалахъ мятежнаго, изступленнаго безразсудства человѣкъ и жаждалъ свѣтлаго и высокаго, онъ тогда-то и видѣлъ, какъ звѣзды изъ колодца, бѣлоснѣжныя, сіяющія золотомъ вершины блага и чистой радости. Злое начало исполняло какую-то предвѣчную миссію быть пособникомъ Благаго. Это ли не высшее посрамленіе зла?

Достоевскій создалъ яркій художественный, осязательный образъ черта. Мы его узнаемъ также по вѣрному слугѣ его, Великому Старикъ (Великій инквизиторъ). Вотъ кошмаръ Ив. Карамазова.

«Это былъ русскій джентльменъ, съ не очень сильной просѣдою и въ волосахъ, и въ стриженной бородкѣ клиномъ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то коричневый пиджакъ, очевидно отъ лучшаго портного, но уже поношенный и совершенно вышедшій изъ моды. Бѣлье было грязновато». Клетчатые панталоны, свѣтлые, узкіе. «Словомъ, былъ видъ порядочности при весьма слабыхъ карманныхъ средствахъ». «Обратившійся вродѣ какъ бы въ приживальщика хорошаго тона».

«Здѣсь, когда временами я къ вамъ переселяюсь, моя жизнь протекаетъ вродѣ чего-то, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ, и это мнѣ болѣе всего нравится. Тутъ у васъ все очерчено, тутъ формула, тутъ геометрія, а у насъ какія-то неопредѣленные уравненія! Моя мечта это воплотиться, но чтобъ ужъ окончательно, безвозвратно, въ какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему повѣрить, во что она вѣритъ».

«Какимъ то тамъ довременнымъ назначеніемъ, котораго я никогда разобрать не могъ, я опредѣленъ «отрицать», между тѣмъ, я искренно добръ и къ отрицанію не способенъ. Безъ критики будетъ одна «осанна». Но для жизни мало одной «осанны»... Ну и выбрали козла отпущенія, заставили писать въ отдѣлѣ критики, и получилась жизнь. Я напримѣръ, прямо требую себѣ уничтоженія. Нѣтъ, живи, говорятъ, потому что безъ тебя ничего не будетъ». Люди «страдаютъ, конечно, но... все же зато живутъ, живутъ реально, не фантастически; ибо страданіе-то и есть жизнь. Безъ страданія все обратилось бы въ одинъ безконечный молебень: оно свято, но скучновато».

«Я былъ при томъ, когда умершее на крестѣ Слово восходило въ небо. Я слы-

шалъ радостные взвизги херувимовъ, вошюющихъ «осанна», и громовый вопль восторга серафимовъ, отъ котораго потрясалось небо и все мірозданіе. И вотъ, клянусь же небо и все мірозданіе. И вотъ, клянусь же всѣмъ, что есть свято, я хотѣлъ примкнуть къ хору и крикнуть со всѣми «осанна!» Уже слетало, уже рвалось изъ груди... я, вѣдь, ты знаешь, очень чувствителенъ и художественно воспримчивъ. Но здравый смыслъ, — о, самое несчастное свойство моея природы — удержалъ меня и тутъ въ должныхъ границахъ, и я пропустилъ мгновенье! Ибо что же—подумалъ я въ ту же минуту, — что же бы вышло изъ моего-то «осанна»? Тотчасъ же все угасло бы на свѣтѣ, и не стало бы случаться никакихъ происшествій. И вотъ, единственно по долгу службы и по социальному моему положенію, я принужденъ былъ задавить въ себѣ хороший моментъ и остаться при пакостяхъ. Честь добра кто-то беретъ всю себѣ, а мнѣ оставлены въ удѣлъ только пакости».

Какъ художественно-находчиво Достоевскій далъ своему черту образъ благороднаго приживальщика. Что-то когда-то дѣйствительно бывшее чѣмъ-то само по себѣ, но теперь—безличное. Въ чертѣ опять никакой силы. Желаетъ воплотиться, чтобы страдать, быть суевѣрнымъ, жить трепетной человѣческой, но такой сладостной жизнью. Не только нѣтъ сознанія своей сущности, а отсюда и силы, но онъ безличенъ, онъ приживальщикъ. Нѣтъ и зла въ немъ, какъ извѣчной мистической сущности, — онъ добръ къ людямъ. Если золь, то по социальному положенію, — чтобы не было «молебна», были происшествія, страданія, жизнь.

А Великій Инквизиторъ? Чѣмъ отличается его подвижничество отъ подвижничества Христа? Во-первыхъ, матеріализмомъ. Христосъ идеалистъ—онъ переоцѣнилъ трепетное стадо жалкихъ бунтовщиковъ. Великій Старикъ основывается на ихъ дѣйствительной природѣ. Изъ идеализма Христа ничего не могло выйти, по инквизитору.

Нѣтъ, болѣе: онъ приводилъ даже все время жалкихъ бунтовщиковъ къ самоистребленію. Матеріализмъ великаго старика далъ имъ истинное—единственное для нихъ возможное—дѣтское счастье. И Христосъ, и Великій Старикъ исходятъ изъ одного, — изъ любви къ людямъ. Но Христосъ не боится никакихъ ошибокъ, никакихъ поражений, никакой боли, никакихъ страданій, ниже смерти. Великій Старикъ предпочитаетъ тепленькое, затхлое, ребячье счастье,—о, конечно, не боль, не бореиіе до кроваваго пота, до просвѣтленія плоти до того предѣла, когда она воскресаетъ. И без-

благенному Христу дается побѣда—воскресеніе — вѣчная жизнь. Трспещущій отъ страха страданія Инквизиторъ уходитъ, не боясь, въ болото покоя,—онъ лишается конечной силы личности, черезъ воскресеніе жить въ вѣчности. И его взятіе на себя страданій людей это не героизмъ, это самоубійство приговореннаго къ смерти, у котораго не хватило силъ жить съ мыслью о смерти. И, наконецъ, третье и послѣднее различіе—Христосъ идетъ по своему пути конечной свободы, конечной искренности — подъ солнцемъ истины, Инквизиторъ для сладостной тлѣнности пробирается извилистыми тропинками изворотливости при меркломъ дунномъ свѣтѣ лжи.

Библия говоритъ, что нельзя смертному лицезрѣть Бога. Въ «Великомъ Инквизиторе» передъ нами проходятъ судьбы рода человѣческаго,—и насъ охватываетъ великій ужасъ, за ними мы провидимъ лице Божіе. Сила тѣни, охватывающей нашу душу, крѣпнетъ,—мы видимъ: беззлойной, кроткой нашей церкви противопоставляется жестокая мудрость католицизма, молчащему слову—рѣчи слугителя темныхъ силъ.

Но если мы взглянемъ пристальнѣе, мы увидимъ, что и тутъ нѣтъ зла, какъ извѣчной самостоятельной сущности. Великій Старикъ движимъ любовью къ людямъ, движимъ велѣніями блага. Только средства къ этому и свѣтильники для своего пути онъ беретъ отъ зла: невѣріе въ силу человѣческой природы, тлѣнное счастье, ложь. Но душа чувствуетъ, что нецѣнно все это. Счастье покоя не даетъ удовлетворенія человѣку. Не выноситъ душа его ига лжи. Живутъ въ человѣкѣ непобѣдимыя блага возможности.

Итакъ, нѣтъ самостоятельной сущности зла, нѣтъ въ немъ побѣждающей силы и мудрости.

IV.

Вотъ три глубочайшихъ русскихъ души: — Лермонтовъ, Гоголь, Достоевскій. Глубже ихъ откровеній нѣтъ въ нашей жизни. Заглянули они въ такія глубины души народной, куда немногимъ дано заглянуть. Нѣтъ зла, отъ вѣка сущаго, какъ непобѣдимой, непоколебимой мощи. Если есть оно—такъ, какъ пособникъ для побѣды немеркнущаго, непобѣдимаго блага. И все оно—безсилъе и ошибка сплошь.

Наша мифологія не создала сильнаго, красиваго образа зла. Все въ нашей нечисти прежней, до церковныхъ кличекъ и отношеній, добродушно, улыбочиво, все эпически спокойно, какъ жизнь лѣса, луговъ, заводей. Нѣтъ жестокости ни въ лѣшемъ, ни въ русалкахъ, ни въ домовомъ,—сладостра-

стія жестокости. Русалка сама грустна своей неутомимой потребностью любить. Губить она для любви: она такъ потому любить.

Церковь, Византія, демоны и бѣсы евангелія внесли совсѣмъ другое, болѣе черное, въ народную душу. Въ ней самой этого не родилось бы никогда. Но вотъ она представляетъ себѣ на иконахъ этихъ хвостатыхъ бѣсовъ,—и какіе они смѣшные, жалкіе, бѣгущіе. А если въ аду,—какъ отъ Господа Бога возложено—исполняютъ они свои обязанности расправы съ грѣшниками—почему не сдѣлались лучше, какъ могли бы. И только тогда, кажется, чувствуютъ себя на высотѣ призванія, когда держатъ Іуду на колѣняхъ да узаконенныя наказанія съ грѣшниками выполняютъ. И сколько жалкой трусости въ картинѣ: «бѣжить, какъ бѣсъ отъ заутрени». И пословица: «не такъ страшень чертъ, какъ его малюютъ» мила намъ особенно за свою первую половину. А вторая такъ и обличаетъ въ пословицѣ, что она не нашего происхожденія.

У нашихъ сосѣдей на Западѣ зло было всегда непобѣдимо, красиво, притягательно. Мефистофель, Люциферъ, Демонъ. Демонизмъ, культъ сатаны, мессы сатаны, изступленное служеніе женщины богу зла. Страусовыя перья, красный костюмъ, шпага. Самая красивая звѣзда дана ему. А у насъ въ сказкахъ первое удовольствіе насмѣяться надъ чертомъ. Помните, какъ у Пушкина Кузьма Остолопъ съ бѣсенкомъ хитростью тягались, и кто побѣдилъ? Это вѣдь не то что чарующее магической властью остроуміе Мефистофеля, больше всего привлекающее ко злу.

Мы видѣли, что, если и была тема въ трехъ глубочайшихъ кладезяхъ душевной мудрости русскаго народа, то была для того, чтобы лучше отражались въ ней звѣзды. И испуганно-грустный взглядъ рано ушедшаго изъ жизни Лермонтова, и остро-пытливый недужнаго Гоголя, и блестящій сухимъ глубокимъ блескомъ взоръ Достоевскаго не затаили ужаса передъ мощью, передъ непобѣдностью зла. И много пѣсенъ пропѣла глубокая и неразгаданная душа Вл. Соловьева о томъ, какъ холодъ снѣжныхъ злобныхъ вьюгъ побѣждается свѣтомъ и блескомъ беззакатныхъ огней.

И сказалъ народъ съ глубиной и красотой «Великаго откровенія»: «Все минется, одна правда останется».

Ив. Фед. Каминин.